

Дети закрытого города

Лазили тайно по стройкам, жевали смолу,
Строили крепости на деревянном полу,
Пели пиратскую песню «Сундук мертвеца»,
Просто не верили в то, что умрём до конца,
Марки меняли про космос и разных зверей.
Вместо креста – на верёвочке ключ от дверей –
Словно от целого мира, огромного дня...
Детство моё, ты – свободней, ты лучше меня!
Шлёпали в лужах под мартовским тёплым дождём,
Врали родителям честно, когда мы придём,
И ничего не боялись, лишь только – войны,
Дети закрытого города, мирной страны.
Где вы, ребята, десятый отчаянный класс?
Мы виноваты, что время не выбрало нас?
Книжки Крапивина – поздно – прочитаны все.
Всадники мчатся по светлой небесной росе.

Так лезвие – хлобьсь! – легко и остро
по времени, по венам, по душе.
Поэзия осталась в девяностых.
Она недосыгаема уже.

В том фантазмагорическом развале,
где «сникерсы» и чача на разлив,
играл на флейте бомжеватый парень,
лицо своё отчаяньем закрыв.

Базар шумел. В тумане плыли звуки.
Першило в горле от внезапных слёз.
Поэзия – надсада и разлука,
в ней всё: сердца и страны – под откос.

И ветер бьёт пронзительно и жёстко,
и хлещет снег, и не видать ни зги...
Струится свет из чёрных девяностых.
Горят, горят упрямые стихи...

От нечего делать или от скуки,
Блинчики слов в пустоту кидая,
Ты смотришь на мир простофилей Люком
И вдруг открываешь в себе джедая.

Смеёшься, в силу пока не веря,
(Зачем, откуда попёрла прана?)
Мальчишка тощий, гроза империй –
В потёртых джинсах, в кроссовках драных.

И снова Мцыри дерётся с барсом.
Яд в кровь проник, и не вынуть жало.
И едкий синтаксис поздних стансов
Страшней, чем лазерный меч, пожалуй.

Мы чьи-то тени. Мы – отголоски
Чужого века, чужой колоды.
Так понимающе смотрит Бродский –
вечнозелёный магистр Йода.

Продаём пустоту, покупаем себе пустоту,
Пустоту обнимаем, когда уже немоготу.
Отчего-то всегда выбираем не то и не ту...
А казалось: так просто, так здорово петь на лету.
Но кричим ни о чём, и ревём, и живём ни о чём.
Нарисован очаг, где же дверца с заветным ключом?
Между нами – стена, кирпичи запечатанных лиц.
Где ты, грешная радость, нечаянный зайчик ресниц?
Пустота нарастает, длиннее судьбы и строки.
Если Слово забыли, зачем золотые мешки
И кредитная карта с кэшбэком большим-пребольшим?
Злая сабля сверкнёт, и сказать не успеем «сим-сим»...
Только старые сказки и держат пока на свету.
Говорим с пустотой, утешаем свою пустоту.
Лишь печальное эхо по сердцу царапнет слегка
Там, в овраге бетонном, где раньше блестела река.

Метель

Памяти Алексея Глухова

Зима – это чья-то огромная белая тень,
Кальян ледяной, из которого больно вдыхать...
Глаза открываешь, а рядом с тобою метель,
На сердце – метель
и в твоих бесприютных стихах.
Ты всем говоришь, что к покою пока не готов,
Что в дачном сугробе так сладко валяться ничком.
А ветер играет на скрипке бескрайних снегов
Позёмкой забвения,
Отчаянья тонким смычком.
И в музыке этой теряется медленный след.
Усталой душе безразлично – добро или зло...
Глаза открываешь – метель. Удивительный свет.
В бескрайних снегах одинокому сердцу тепло.

Лица русской провинции.
Питерское метро.
Ни с дворцами, ни с принцами
как-то не повезло.
Трудно на жизнь откладывать,
если совсем одна.
Сонечка Мармеладова
в офисе допоздна.
Мятым последним стольником
с бомжиком поделись,
грустный студент Раскольников,
рокер и «навальнист».
Кофе, стаканы стрёмные,
булочки, шаурма,
слёзы, квартиры съёмные,
сдавленные дома...
Небо чужое, хмурое,
ветер, асфальт, металл.
Вечером ехать в Мурино.
Ты навсегда устал.
Тощий сосед подвинется,
станет чуть-чуть светло...
Лица русской провинции.
Питерское метро.

Бессонные реки как будто бессонные веки.
А города нет. Но остались фонарь и аптека.
Стоишь у окна, растревожен вином и стихами.
Бессонные реки сквозь сердце твоё протекают.

Бессонные реки, поэзии чуткие чары,
И заберег зыбкий чернеет, как меч янычара,
И лёд под ногами беспомощно, нервно крошится.
Бессонные руки, чужие, ненужные лица.

Оставь нам, о Боже, хоть искру надежды и света!
Вода подступает к открытому горлу планеты.

каждый верит в любовь
только в разлуках спец
город чёрных снегов
одиноких сердец
кто-то творит намаз
кто-то слушает «Сплин»
город погасших глаз
серых усталых спин
выстрелы в темноту
это ночной дозор
каждый верит в мечту
видит свой монитор
нужно скорей успеть
сделать дела, дела
вечно будут гореть
мёртвые купола
рваные облака
грязные поезда
всем нам издалека
светит одна звезда
кלאцает в голове
алый затвор зари
так легко умереть
трудно поговорить
город потёртых лиц
одиноких сердец
где ты, маленький принц?
help me, пока я здесь

Чёрно-белые фотки

Чёрно-белые фотки – машина времени.
Девочка, мальчик, узенькое крыльцо,
Ножки кривые, пальтишки послевоенные,
Словно икона, бабушкино лицо.

«Брателко старший, моряк,
расскажи-ка, где был?»
Ах, бескозырка лихая, руки в карман,
Это – наш папа, юный счастливый дембель,
Ровно четыре года бороздил океан.

Фотоувеличитель – чуднАя штука из детства,
Похожая очень на космический аппарат.
Свет выключался, и начиналось Действо.
К папе поближе девчужки лепились в ряд.

В крошечной ванной три волшебных корытца,
Красный глаз марсианский... ш-ш-ш... тишина...
На белом листке бумаги вдруг появлялись лица.
Это любовь проявлялась, закреплялась – тоже она.

Я ценю достижения современной науки.
Сколько на флэшке снимков, но кто же посмотрит их?
Красный фонарик в ванной. Папы чуткие руки.
Чёрно-белые фотки – ярче цветных.

Одиночество такое длинное слово

бессонница отчаиваться не повод
лунный свет легонько щекочет кожу
одиночество такое длинное слово
на огромное озеро очень оно похоже
дикое озеро в сердце лесного края
вода его всегда холоднее снега
никуда не втекает не вытекает
просто лежит отражая небо
дело даже не в разлуке не в расстоянии
пока сердце стучит что с этим можно поделаться
безмолвную музыку северного сияния
слушает белый волк на равнине белой

Дыхание

Так дышит зима, огромным белым крылом
распластавшись на стелых костях болота.
медленно тает сознания снежный ком,
глаза закрываешь, страшно увидеть, что там.

усталые души бьются в одной сети,
падают вверх, нельзя подстелить соломки.
за все в этом мире, любимый, надо платить:
за воздух, за звук, за миг постоять у кромки,

за ночь, за тепло и веру, за газ и свет,
за стигмы стихов, от которых не откреститься,
за наши с тобой объятия, которых нет,
за грустное право быть одинокой птицей.

Гадание

«Дух Пушкина, приди к нам погадать!»
Из форточки – девчоночья мордашка
Торчит. Сегодня – Святки, Коляда.
Нам, хохотушкам, весело и страшно.
«Дух Пушкина, ты будешь отвечать?»
Чу! Стукнуло... скользнуло по карнизу.
Лист ватмана, огромная свеча
И блюдечко из чешского сервиза.
Как будто видю, старое трюмо,
Кто призрачный витает между нами.
А блюдец подвигается ... само!
И буквы вещими становятся словами.
Под пальцами приплясывает дно,
А мне подружки шепчут по секрету:
Мол, без тебя не движется оно,
И жуликом зовут меня за это.
Магически расчерчен белый лист.

2000-й – последний – за горами.
Там – тайна, там, конечно, коммунизм,
Там сказка с крутолобыми нулями.
Кто ж знал тогда, что грянет беспредел?
Но верю я, что ветреный и милый
Дух Пушкина нам блюдечко вертел,
И, как ни странно, с нами не шутил он.

01.01.

Дважды «ноль первое». Перезагрузка.
Армагеддон и руины салатов.
Год превратился в пустую хлопшуку:
Жахнул, бабахнул и ухнул куда-то.
Год улетел оторвавшимся тромбом,
Канул кометой в небесную Лету.
Бродишь по комнатам маленькой зомби,
Ищешь себя между мраком и светом.
В кухню зайдёшь – Бородинское поле,
Жерла фужеров, тарелок редуты.
Дважды «ноль первое». Время такое.
Медленно-медленно тают минуты...

Никто никого не слышит.
Загружены выше крыши.
Не пашем, даже не пишем,
всё тычемся в телефон.
А небо дождями брызжет.
Гуляют коты по крышам.
Так хочется встать на лыжи,
но, видимо, не сезон.

Никто никого не видит.
В скафандре – в своей обиде.
Всем хочется ехать сидя,
тепло и уютно тут.
Но нет у души укрытий,
и что тут не говорите,
но всем нам придётся выйти
когда-нибудь в темноту.

Никто никого не любит.
Вслепую бросаем кубик.
Опять незакрытый тюбик
оставил, такую мать...
И некого ставить в угол.
В костре остывают угли.
А небо нельзя загуглить,
и вечность нельзя обнять.